

РАЖА

20

Pfennig

12. 6. 1926

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ

Berlin, 12. Juni 1926.

Wochentag-Ausgabe Nr. 111.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ поставкою ежедн. на домъ 4,30 мар. зол. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4,30 мар. зол. въ мѣсяцъ (и по 36 зол. пф. почт. расх. за доставку). Въ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шилл., Англію 5 шилл., Бельгію 25 бельг. фр., Болгарію 150 лев., Венгрію 80 000 в. кр., Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 75 др., Данію 4,50 д. кр., Дани. обл. 6.— гульд., Испанію 8.— пез., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Люксембургъ 25 бельг. франк., Норвегію 5,50 норв. кронъ, Польшу 1.— ан. долл., Португалію 20.— эскуд., Румынію 250 лей, Турцію 200 пістр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 30.— фр. фр., Чехословакію 35.— ч. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— шв. кр., Эстонію 400 эст. мар., Югославію 80 дин въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азію вост. 1,20 долл. ам., Азію зап. 5 англ. шилл., Нид. Инд. 3.— голл. гульд., Америку вообще 1,20 долл., Аргент. респ. 3.— бум. пезо, Бразилію 8 000 милър., Чили 12,50 бум. пезо; Африку, Англ. влад. 5 англ. шилл., Итальянск. влад. 25 ит. лиръ, Франц. влад. 30.— франц. фр., въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: Цѣна въ золотыхъ маркахъ:

20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.

1 зол. марка 35 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.

15 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.

10 зол. пфенниговъ для врачей.

15 — — — — — прис. повѣренныхъ.

10 зол. пфен. за миллиметръ для ищущихъ мѣстъ.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу.

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

Пріемъ объявленій и подписки Berlin SW 68, Zimmerstraße 7-8. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 до 1/3 часа дня. Телефонъ редакціи и конторы Zentrum 7994 и 7995. Текущіе почтовые счета. Для Германіи Postscheck Berlin № 27156. Чехословакіи Post úřad šekový Praha № 77954. Польши P. K. O. Warszawa Dobro № 9608 Сокращ. адресъ для телеграммъ Rulzeitung Berlin.

„Вишневый садъ“.

Мнѣ посчастливилось наблюдать со стороны за процессомъ создания Чеховымъ его пьесы „Вишневый садъ“. Какъ-то при разговорѣ съ Антономъ Павловичемъ о рыбной ловлѣ нашъ артистъ, А. Р. Артемъ изображалъ, какъ насаживаютъ червя на крючокъ, какъ закидываютъ удочку дюнную или съ поплавкомъ. Эти и имъ подобныя сцены передавались неподражаемымъ артистствомъ съ большимъ талантомъ, и Чеховъ искренно жалѣлъ, что ихъ не увидитъ большая публика въ театрѣ. Вскорѣ послѣ этого Чеховъ присутствовалъ при купаніи въ рѣкѣ другого нашего артиста, и тутъ же рѣшилъ:

„Послушайте! надо же, чтобы Артемъ удилъ рыбу въ моей пьесѣ, а Н. купался радомъ въ купальнѣ, барахтался бы тамъ и кричалъ, а Артемъ злился бы на него за то, что онъ ему пугаетъ рыбу“.

Антонъ Павловичъ мысленно издѣлалъ ихъ на сценѣ — одного уводящимъ около купальни, другое — купающимся въ ней, т. е. за сценой. Черезъ итѣськомое дѣиѣ Антонъ Павловичъ объявилъ намъ торжественно, что купающомуся ампутировали руку; но, несмотря на это, онъ сърастоно любитъ играть на бильярдѣ своей единственной рукой. Рыболовъ же оказался старикомъ-лакеемъ, скопиршимъ доньжонки.

Черезъ итѣськое время въ воображеніи Чехова стало рисоваться окно стараго помѣщичьего дома, черезъ которое злился въ комнату вѣтши деревенскій. Потомъ они вѣрнѣи сибирѣ-бѣлымъ цвѣтомъ. Затѣмъ въ воображеніи Чеховымъ домъ поселился въ каменъ-то барыню.

„Но только у насъ нѣтъ такой актрисы. Послушайте! Надо же особую старуху, — изображала Чеховъ. — Она же все бѣгаетъ къ старому лакею и занимается у него девицъ...“

Около старухи очутился не то ее братъ, не то дядя — безумный баринъ, страстный любитель игры на бильярдѣ. Это болшо дѣла, которое не можетъ жить безъ лакея.

Какъ-то разъ послѣдній уѣхалъ, не приготивъ барину брѣкъ, и потому онъ пролежалъ всецѣ даръ въ постели...“

Мы знаемъ теперь, что увидѣло въ пьесѣ и что отпало безъ всякаго слѣда или оставило незначительный слѣдъ.

Лѣтомъ 1902 года, когда Антонъ Павловичъ готовился писать пьесу „Вишневый садъ“ онъ жилъ вмѣстѣ со своей женой — О. Л. Чеховой-Книпперъ, артисткой театра, — въ нашемъ домикѣ, въ нѣбнѣ моей матери, Любимовѣ. Радомъ, въ семьѣ нашихъ сосѣдокъ, жила англичанка, гувернантка, маленькое художнее существо съ двумя длинными дѣвничьими косами, въ мужскомъ костюмѣ. Благодаря такому соединенію, — не сразу разберешь ея полъ, происхожденіе и возрастъ. Она обращалась съ Антономъ Павловичемъ валанибратъ, что очень нравилось писателю. Встрѣчаясь еженедѣвно, они говорили другъ другу ужасную чешую. Такъ, напримѣръ, Чеховъ утѣрялъ англичанку, что онъ въ молодости бѣлъ туркомъ, что у него были гаремъ, что онъ скоро вернется къ себѣ на родину и станеть палей, и тогда вынищеть ее къ себѣ. Якобы въ благодарности, лопая гимнастическа-англичанка прыгала къ нему на плечи и, усадившись на нихъ, здоровалась за Антона Павловича за всѣмъ проходившимъ мимо нимъ, т. е. снимала шлуду съ его головы и кланялась ему, приговаривая къ ланомомъ рускомъ языкѣ, не-клеушки комичномъ; „Вдѣлать! здѣлать! здѣлать!“

При этомъ она наклоняла голову Чехова въ онакъ привѣтствія.

Тѣ, кто видѣли „Вишневый садъ“, узнаютъ въ этомъ оригинальномъ существѣ прототипъ Шарлотты.

Прочтя пьесу, я сразу все понялъ и написалъ свои восторги Чехову. Какъ онъ вѣчно-вѣдалъ! Какъ онъ усилеио утѣрялъ меня, что Шарлотта непремѣнно должна быть итѣськой, и непремѣнно худой и большой, — такой, какъ артистка Муретова, со-

вершенно непохожая на англичанку, съ которой была списана Шарлотта.

Роль Епиходова создадохъ нецѣ многихъ образомъ. Основные черты взяты со служащаго, который жилъ на датѣ и ходилъ за Антономъ Павловичемъ. Чеховъ часто фсебѣдывалъ съ нимъ, убѣждалъ его, что надо учиться, надо быть грамотнымъ и образованнымъ человекомъ. Чтобы стать таковымъ, прототипъ Епиходова прежде всего купилъ себѣ краеній галстукъ и захотѣлъ учиться по-французски. Не знаю, какими путями, или отъ служащаго, Антонъ Павловичъ пришелъ къ образу довольно полного, уже не молодого Епиходова, котораго онъ далъ въ первой редакціи пьесы.

Но у насъ не было подходящаго по фигурѣ актера и, въ то же время, нельзя было не залить въ пьесѣ талантливаго и любимаго Антономъ Павловичемъ актера И. М. Москвина, который въ то время былъ и юный, и худой. Роль передали ему, и молодой артистъ примѣнилъ ее къ своимъ даннымъ, при чемъ воспользовался экспромптомъ своимъ на первомъ капустникѣ, о которомъ рѣчь впереди. Мы думаемъ, что Антонъ Павловичъ рассердился за эту вольность, но онъ очень хохоталъ, а по окончаніи репетиціи сказалъ Москвину:

„Я же именно такого и хотѣлъ написать. Это чудесно, послушайте!“

Помните, что Чеховъ дописалъ роль въ тѣхъ контурахъ, которые создались у Москвина.

Роль студента Трофимова, была также списана съ одного изъ тогдашнихъ обитателей Любимовки.

Осенью 1903 года Антонъ Павловичъ прѣхалъ въ Москву совершенно больнымъ. Это, однако, не помѣшало ему присутствовать почти на всѣхъ репетиціяхъ его новой пьесы, окончательно названіе которой онъ началъ по мотѣ еще тогда установить.

Однажды вечеромъ мнѣ передали по телефону просьбу Чехова вѣзѣть къ нему по дѣлу. Я бросилъ работу, помылся и всталъ его ожидать, несмотря на болѣзнь. Понявшему, онъ пріобрѣтаетъ разговоръ о дѣлѣ къ концу, какъ дати въуопов

пирожнос. Пока же, по обыкновенію, не сидѣли за чайнымъ столомъ, и смѣялись такъ какъ тамъ, гдѣ Чеховъ, ползая былъ оставался скучнымъ. Чай кончился, и Антонъ Павловичъ повелъ меня въ свой кабинетъ, затворилъ дверь, усадивъ на свой традиціонный уголъ дивана, посадилъ меня напротивъ себя и сталъ, въ сотый разъ убѣждать меня преремѣнить пѣсьотыи исполнителей въ его новой пьесѣ который по его мнѣнію, не подходили:

„Онъ же чудесные артисты“ — объяснилъ онъ, смягчить свой приговоръ.

Я знаю, что эти разговоры были лишніе правдоѣи къ главному дѣлу и потому не спорилъ. Наконецъ, мы дошли и до дѣла Чеховъ выдержалъ паузу, стараясь быть серьезнымъ. Но это ему не удалось — торжественная улыбка изнутри пробивалась наружу.

„Послушайте, я же нашелъ чудесное названіе для пьесы. Чудесное!“ — объяснилъ онъ, смотря на меня въ упоръ.

„Какое?“ — завоплывалась я.

„Вишневый садъ“, — и онъ закатыи радостнымъ смѣхомъ.

Я не допиль причины его радости и не нашелъ ничего особеннаго въ названіи. Однако, чтобъ не огорчитъ Антона Павловича, пришлось сдѣлать видъ, что его открытіе произвело на меня впечатлѣніе. Что же волнуетъ его въ новомъ заглавіи пьесы? Я началъ осторожно выспрашивать его, и олятъ наклонился на эту странную особенность Чехова: онъ не умѣлъ говорить о своей созданіяхъ. Вмѣсто объясненій, Антонъ Павловичъ началъ повторять на разные лады, со всевозможными интонаціями и звуковой окраской:

„Вишневый садъ. Послушайте, это чудесно, парадіиѣ Вишневый садъ, Вишневый садъ...“

Послѣ этого свиданія прошло итѣськомое дней, или недѣль... Какъ-то во время спектакля онъ вѣзѣлъ къ мнѣ въ уборную съ торжественной улыбкой пріѣхалъ къ моему столу: Чеховъ любилъ смотрѣть, какъ мы готовилимъ къ спектаклю. Онъ такъ внимательно слѣдилъ за нашимъ гримомъ, что въ

ли лицу можно было бы угадывать, удачно или неудачно кладешь на лицо краску.

«Послушайте, не Вишневыи, а Вишневый садъ», — объявилъ онъ и закатился смѣхомъ.

Въ первую минуту я даже не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, но Антонъ Павловичъ продолжалъ смаковать названіе пьесы, наспраивая на нѣжный звукъ «ѣ» въ словѣ «Вишневыи», точно стараясь съ его помощью обласкать прежнюю красивую, но теперь ненужную вещь, которую онъ со слезами разурывалъ въ своей пьесѣ. На этотъ разъ я понималъ тонкость: «Вишневый садъ» — это дѣловой, смертескій садъ, приносящій доходъ. Такой садъ нуженъ и теперь. Но «Вишневый садъ» дохода не приноситъ, онъ хранитъ въ себѣ и въ своей цвѣтущей облянѣ поэзію бывшей барской жизни. Такой садъ растетъ и цвѣтетъ для прихоти, для глазъ избалованныхъ эстетовъ. Жаль уничтожать его, а надо, такъ какъ процветъ экономическаго развитія страны требуетъ этого.

Какъ раньше, такъ и на этотъ разъ, во время репетицій «Вишневаго сада» приходилось точно клещами вытягивать изъ Антона Павловича замѣчанія и софты, касавшіяся его пьесы. Его отфарты походили на ребусы, и надо было ихъ разгадывать, такъ какъ Чеховъ убывалъ, чтобы сдаться отъ представлѣній режиссеровъ. Если бы кто-нибудь увидѣлъ на репетиціи Антона Павловича, скромно сидящаго рѣдѣто въ заднихъ рядахъ, онъ бы не повѣрилъ, что это былъ авторъ пьесы. Какъ мы ни старались порекомендовать его къ режиссерскому столу, ничего не выходило. А если и усадишь, то онъ начиналъ смѣяться. Не поймешь, что его смѣшило: то ли что онъ сталъ режиссеромъ и сидѣлъ за важнымъ столомъ; то ли, что онъ пахнулъ лишнимъ самымъ режиссерскимъ столомъ; то ли, что онъ соображалъ, какъ пастъ обмануть и спрятаться въ своей засадѣ.

«Я же все написалъ, — говорилъ онъ тогда, — я же не режиссеръ, я — докторъ».

Сравнивалъ, какъ держалъ себя на репетиціи Чеховъ, съ тѣмъ, какъ велъ себя дру-

гіе авторы, удивляясь необыкновенной скромности большаго человека и безграничному самомигнію другихъ, гораздо менѣе значительныхъ писателей. Однѣ изъ нихъ, напиримѣръ, на мое предложеніе сократить многорѣчивый, фальшивый, витіеватый монологъ въ его пьесѣ, сказали мнѣ съ горечью обиды въ голосъ:

«Сокращайте, но не забывайте, что вы отлѣтите передъ исторіей».

Напротивъ, когда мы дерзнули предложить Антону Павловичу выкинуть цѣлую сцену — въ концѣ второго акта «Вишневаго сада», — онъ сдѣлался очень грустнымъ, поблѣднѣлъ отъ боли, которую мы ему причинили тогда; но, подумавъ и оправившись, отвѣтилъ:

«Сократите!»

Спектакль налаживался трудно; и не удивительно: пьеса очень трудна. Ея прелесть въ неулловимомъ, глубокомъ скрытомъ ароматѣ. Чтобы почувствовать его, надо какъ бы вскрыть почву цвѣтѣвъ и заставить распуститься его лепестки. Но это должно произойти само собой, безъ насилия, иначе смѣшетъ нѣжный цвѣтокъ и онъ завянетъ.

Въ описываемое время наша внутренняя техника и умѣнье воздѣлывать на твердую душу артистовъ попрежнему были примитивны. Танцевенные ходы къ глубинамъ произведений по были еще точно установленны намъ. Чтобы помочь актерамъ, расшевелить ихъ аффективную память, мы звали въ ихъ душѣ творческаго провидѣнія, мы пытались создать для нихъ иллюзію декораций, игроу свѣта и звуковъ. Иногда это помогало, и я привыкъ злоупотреблять свѣтовыми и слуховыми сценическими средствами.

«Послушайте! — рассказывалъ кому-то Чеховъ, но такъ, чтобы я слышалъ, — я напишу новую пьесу и она будетъ начинаться такъ: «Какъ чудесно, какъ тихо! Не слышно ни птицъ, ни собакъ, ни кукушекъ, ни совъ, ни соловьевъ, ни часовъ, ни колокольчиковъ и ни одного сверчка».

Конечно, камень бросался въ мой огорождъ,

И. С. Станиславскій,